

ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (XVII – начало XX в.)

С. В. Кодан

В научном плане весьма интересен вопрос использования положений Литовского статута в актах систематизации российского законодательства на протяжении XVII – начала XX в. В данном плане можно выделить три временных периода влияния Литовского Статута на акты систематизации российского права. *На первом этапе* (X–XII – первая половина XVII в.) взаимодействие складывающихся правовых систем по мере формирования у славянских племен государства и права в X–XII вв. отразилось во влиянии первого систематизированного источника древнерусского права – Русской Правды – на литовское право. В последующие столетия это взаимодействие не только сохранялось, но и оказало существенное влияние на первую наиболее крупную систематизацию русского права – Соборное уложение 1649 г. *Второй этап* (вторая половина XVII – первая четверть XIX в.) связан с формированием правового пространства Российской империи и с включением местного права, включая и литовско-польское, в российскую правовую систему. *Третий этап* (вторая четверть XIX – первая четверть XX в.) был характерен попытками систематизации местного права и постепенным переходом к унификации общегосударственного и местного права с сохранением, впрочем, действия Литовского Статута на отдельных территориях и в отношении сословного положения отдельных групп населения.

Первый этап взаимодействия русского и литовского права уходил истоками к формированию государственности на Руси и в Литве и завершился изданием Соборного уложения 1649 г. Для этого периода характерно естественное взаимодействие зарождающихся правовых систем на основе обычаев славянских племен. Это определялось тем что, как подчеркивает историк российского права А. Н. Филиппов, «все народы, на известных одинаковых ступенях их культуры, имеют сходственные юридические нормы и учреждения, соответствующие общим условиям их религиозной, экономической и политической жизни» [16, с. 100–101].

Первое взаимодействие проявилось через Русскую Правду. Ее создание в XI–XII вв. как первого сводного акта древнерусского права выступило как «руководство для суда» [4, с. 54]. Известные списки Русской Правды показывают эволюцию и систематизацию древнерусского права [2, с. 22]. Не вдаваясь в детальную характеристику Русской Правды и исходя из доктринальных подходов делению ее текста на статьи и толкования содержания, отметим, что уже этот памятник права определяет правовые предписа-

ния по четырем основным направлениям правового регулирования: нормы относительно верховной власти – государственное право; нормы по поводу имущества, обязательств и некоторых семейных отношений – гражданское право; нормы о преступлениях и наказаниях – уголовное право; нормы по поводу судеустройства и судопроизводства – процессуальное право [10, с. 146–172]. Русская Правда показательна с точки зрения влияния на создание первых кодифицированных актов древнерусского права – Псковской и Новгородской Судных грамот, Двинской и Белозерской уставных грамот, но и литовских узаконений – Судебника Казимира (1468 г.) и Литовского Статута (1529 г.) [6].

Создание Судебников 1497 и 1550 гг. и их развитие, отразившее процесс формирования системы общерусского права, не обошлось уже без влияния зарубежного права. Это была, как указывает М. Ф. Владимирский-Буданов, «практическая рецепция чужого права», которая выражалась в том, что приказные служители сами создавали «субсидиарные источники права из постановлений Литовского статута», для чего из него «делались выписки <...> дьяками, переводились (весьма неискусно) на московское наречие, расчленились на статьи, приписывались в Указные книги <...> и, несомненно, применялись на практике» [6]. Отметим, что в 1588 и 1614 гг. Литовский Статут был издан на старобелорусском языке («по русски») и был хорошо известен в Московском государстве [9; 15].

В начале XVII в. начали складываться предпосылки для перехода к следующему этапу в формировании системы российского законодательства. В России в понимании законодательной власти и приказном законоведении выработалось понимание направлений правового регулирования, необходимости определения системы законодательства и проведения систематизации узаконений, был накоплен опыт создания крупных правовых актов. В условиях завершившегося объединения русских земель и создания централизованного Московского государства требовался переход к отвечающему уровню развития общественных отношений, систематизированно согласованному и внутренне единому акту общегосударственного характера, в котором бы законодательные предписания выстраивались по определенной системе по сферам правового регулирования. По этому поводу историк права Д. Я. Самоквасов весьма красноречиво подчеркивал: «Вывести Русь эпохи смутного нестроения к законному и прочному порядку государственной жизни можно было только посредством издания общеизвестного, общепризнанного и общеобязательного законодательства, перевоспитания исполнителей закона в направлении преданности интересам царя и отечества и повсеместного царского контроля государственной службы. Таким законом было Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года» [11, с. 22].

Соборное уложение 1649 г. подвело итог данному периоду и составило базу для дальнейшего развития российского законодательства. Позднее

М. М. Сперанский дал определение: «Уложение (code) есть систематическое изложение законов по их предметам» [14, с. 433–434]. Соборное уложение вполне соответствовало этому определению и отличалось значительно более высоким уровнем систематики правовых предписаний, в своей основе заимствованной по образцу редакции Литовского статута 1588 г. Проведенный российскими историками права (М. Ф. Владимирский-Буданов, П. И. Числов) сравнительный анализ Литовского Статута и Соборного уложения показывает широкие заимствования при составлении последнего положений литовского права и указывает, что до 175 статей (более 18 % общего количества) содержат реципированные из Статута положения [3, с. 4–38; 17, с. 88].

Российские историки права подчеркивают особое значение взаимодействия Литовского Статута и Соборного уложения в развитии русского права. Так, например, М. Ф. Владимирский-Буданов указывает, что «в историческом отношении, бесспорно, самые ценные суть Уложение 1649 г. и Литовский Статут. В них резюмирована вся юридическая мысль и вся правовая жизнь в двух главных ее проявлениях – государствах Московском и Литовско-Русском» [3, с. 4]. П. И. Числов, отмечая значение Литовского Статута для кодификации русского права в Соборном уложении, обращает внимание на то, что «этот памятник литовско-русского законодательства по своему влиянию на постановления нашего кодекса занимает после Судебников второе место <...> ввиду такого отношения Литовского Статута к Уложению, а, с другой стороны, ввиду несомненного сродства <...> многих постановлений Статута с важнейшим юридическим памятником древности – Русской Правдой, он имеет для истории русского права одинаковое значение с памятником чисто русского происхождения» [См.: 17, с. 88].

Второй этап взаимодействия Литовского Статута с правом Российской империи приходится на период формирования правовой системы Российской империи – на вторую половину XVII – первую четверть XIX в. Формирование Российской империи как многонационального государства нашло отражение и в становлении системы российского законодательства, в котором еще в XVII в. начали определяться, а в XVIII – первой четверти XIX в. достаточно четко определились два уровня законодательных актов – общеимперский и местный, отразившие в правовой сфере национальную политику российской верховной власти.

С включением украинских (1654 г.) и белорусских территорий (1772–1807 гг.) в состав Российской империи вопрос об учете положений Литовского статута в юрисдикционной деятельности Российского государства поставил проблему включения источников местного права присоединенных территорий в российскую правовую систему. Российская верховная власть на протяжении XVII – первой половины XVIII в. предпочитала не соглашаться с наличием местных узаконений. Попытка унификации зако-

нодательства в правление Екатерины II вызвала отторжение в национальных регионах и была вскоре отставлена. К концу XVIII в. стало понятно, что по политическим соображениям и необходимости обеспечения безопасности западных рубежей Российской империи следовало обеспечивать единство правовой системы путем определения более четких параметров взаимодействия общегосударственной и местных национальных систем [8, с. 8–30].

Поиски путей систематизации законодательства в конце XVIII – первой четверти XIX в. весьма показательны с точки зрения общих тенденций обеспечения правового единства Российской империи. Комиссия составления законов, работавшая в 1796–1826 гг. и предполагавшая упорядочить местные узаконения, положила начало обобщению материалов по польскому и литовскому праву, но работу не завершила. Эта работа ограничилась лишь переводом руководства к литовским законам и переводом на русский язык Литовского Статута [22; 24].

Но сама проблема не отпала. В 1809 г. во «Введении к Уложению государственных законов» М. М. Сперанский пишет: «Российская империя разделяется на области и губернии», – и подчеркивает, что «именование областей присвоится тем частям империи, кои по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления», и они «имеют особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению...» [12, с. 189–192; 13, с. 172–173]. В проекте «Государственной уставной грамоты Российской империи» 1820 г. также предлагалось закрепить положение: «Законы разделяются на общие государственные законы и на особенные или местные. Общие законы составляют общее право и применяются во всех случаях, в коих местные законы недостаточны» [19, ст. 30–33].

Третий период взаимодействия положений Литовского Статута с российским правом был связан с систематизацией общегосударственного законодательства, попытками упорядочения местных узаконений и, наконец, с процессом унификации литовского права с общерусским, проходившим во второй четверти XIX – начале XX в. С подготовкой Свода законов Российской империи во второй половине 1820-х гг. определение уровней законодательства стало переходить в плоскость практического решения. В этот период в России в связи с завершившимся в основном империостроительством определились территории, в пределах которых было локализовано действие местных узаконений и «под местными законами, – как подчеркивает Н. Н. Корево, – разумеются законы областей, присоединенных в различные времена к российскому государству и живших до того времени самостоятельной жизнью или в составе других государств». Действие местных узаконений было сохранено в том или ином объеме, который зависел

от статуса территории в семи регионах Российской империи, в которых необходимо было учитывать в государственной политике этнический фактор и где собственно и действовали семь местных локальных систем местных узаконений. К ним относились: Великое княжество Финляндское, Царство Польское, Остзейские губернии, Западные губернии, Бессарабская губерния, Кавказский край и Сибирь [5, с. 3].

В Своде законов 1832 г. законодательно были определены исходные параметры соотношения общегосударственных и местных законов. Входящий в его состав Свод Основных государственных законов в подразделе «О законах» устанавливал два важнейших положения, представляющих принципы территориально-законодательного устройства Российской империи. «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих», – гласила ст. 47 Основных государственных законов Свода законов Российской империи. Статья 48 определяла: «Законы в империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими определяются в особенных законах, уставах и учреждениях» [20, ст. 47–48]. Именно поэтому и сам Свод законов Российской империи рассматривался в качестве «общего» – общеимперского, общегосударственного свода, действовавшего в полном объеме в Центральной России – в так называемых «внутренних губерниях». При этом следует обратить внимание и на то, что Манифест Николая I от 31 января 1833 г. об издании Свода законов Российской империи указывал, что при решении дел следует «приводить <...> непосредственно <...> все местные законы, где они действуют, доколе <...> не будут составлены в особые своды» – акты систематизации местных узаконений отдельных национальных регионов Российской империи [23. Т. 8. Отд. 1. № 5947]. Но идея создания местных сводов узаконений в полном объеме реализована не была и в 1845 г. Власть ограничилась лишь изданием Свода местных узаконений губерний остзейских для прибалтийских губерний, в нем были детализированы вопросы соотношения уровней законодательства [21. Ч. 1, ст. 1–2].

Это окончательно закрепило уровни законодательства и принципы их соотношения, при которых, как определяет Д. И. Мейер, «по пространству действия законы разделяются на общие <...> и местные <...> Отношение между ними таково, что местный закон исключает действие общего. Очень естественно, что в таком обширном государстве, как наше Отечество, должны быть законы, относящиеся к отдельным местностям: невозможно, чтобы при разнообразии племен, населяющих Россию, при огромном пространстве ее, не было местных особенностей в юридическом быту, а законодательство не может не учитывать действительности...» [7, с. 52–54].

Одновременно сложилось и правило, которое было четко сформулировано Г. Ф. Шершеневичем: «Местные законы, предназначенные для известной местности и ее коренных жителей, устраняют применение общего законодательства по тем предметам, которые определены местным законодательством. Установление, изменение или отмена общих законов не имеют влияния на местные законы, если противное не выражено в самом законе <...> Общее законодательство сохраняет свое значение по всем тем вопросам, которые не разрешаются местными законами» [18, с. 43].

Во второй половине 1820–1830-х гг. во II отделении началась подготовка сводов местных узаконений. Местное право Малороссии и Белоруссии должно было войти в Свод местных законов Западных губерний. Для систематизационных работ М. М. Сперанским был приглашен профессор российского и провинциального права Харьковского университета И. Н. Данилович – большой знаток литовского и польского прав. Вместе с чиновником II отделения Ф. С. Маевским он провел обширные работы по подготовке обзоров местного права. К 1838 г. проект свода был готов, но так и остался на этом уровне [25]. Проект Свода местных законов западных губерний, тем не менее, представляет один из важнейших памятников систематизации местного права. Свод состоял из 2070 статей, распределенных по трем частям: Часть I. Законы о состояниях (кн. 1. О разных родах состояний и различных прав, им присвоенных; кн. 2. Об актах состояний); Часть II. Законы Гражданские (кн. 1. О правах и обязанностях семейственных; кн. 2. О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще; кн. 3. О порядке приобретения и укрепления прав на имущества в особенности; кн. 4. О обязательствах по договорам; кн. 5. О производстве дел бесспорных порядком исполнительным); Часть III. Законы о судебных обрядах, о судопроизводстве и о мерах гражданских взысканий (кн. 1. О судебных обрядах; кн. 2. О судопроизводстве; кн. 3. О мерах гражданских взысканий) [26].

Усилившееся в начале 1830-х гг. после восстания в Царстве Польском стремление верховной власти к унификации общегосударственного и местного законодательства привело к тому, что на территории Могилевской и Витебской губерний 1 января 1831 г. было отменено действие прежних, унаследованных от Польско-Литовского государства узаконений. Именной Указ Сенату Николая I от 1 января 1831 г. «О введении в губерниях Могилевской и Витебской, как по правительственной, так и по судебной части, того самого порядка, который наблюдается во внутренних областях государства» определил прекратить «во всем пространстве Белоруссии действие постановлений Статута Литовского», но с сохранением принадлежавших дворянству по нему прав [23. Т. 6. Отд. 1. № 4233]. Эта же тенденция привела и к отказу от издания Свода местных законов западных губерний.

По просьбе генерал-губернаторов западных территорий свод не получил «высочайшего утверждения», а на западные территории, за исключением Черниговской и Полтавской губерний, 25 июня 1840 г. указом Николая I «О распространении силы и действия Российских гражданских законов на все Западные, возвращенные от Польши, области» было распространено действие Свода законов Российской империи. Император признал «за благо распространить вполне силу и действие российских гражданских законов на сии издревле русские по происхождению, нравам и навыкам их жителей области [23. Т. 15. Отд. 1. № 13591]. В последующие годы до начала XX в. Литовский Статут использовался в качестве источника права в Своде законов Российской империи 1842 и 1857 гг. изданий. На его положениях основывались своды законов «о состоянии» и гражданских узаконений [20].

Итак, Литовский Статут в систематизации российского законодательства играл различную роль. Период X–XII – первая половина XVII в. связан со становлением и первыми кодификациями русского и литовского права, в ходе которых взаимодействие источников русского и литовского права проявилось во взаимовлиянии источников права. Вначале Русская Правда оказала влияние на кодификации литовского права, а затем уже Литовский Статут стал одним из источников Соборного уложения 1649 г. Во вторую половину XVII – первую четверть XIX в. проблема интеграции литовского права в российскую правовую систему проходила в русле общих подходов к определению параметров сочетания общеперского и местного права. Но сама проблема решена не была. Не решал вопроса и «казенный» перевод Литовского Статута. Требовалась систематизация местных узаконений в более широком масштабе. Во второй четверти XIX – начале XX в., следуя политическому курсу власти, направленному на унификацию общегосударственного и местного законодательства, действие Литовского Статута как источника гражданского права было постепенно свернуто. При этом сохранилось его действие только в Полтавской и Черниговской губерниях.

Литература

1. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев, 1905.
2. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича / М. Ф. Владимирский-Буданов // Сборник государственных знаний. – СПб., 1877. – Т. 4.
3. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Русская правда / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев, 1911.
4. Государственная уставная грамота Российской империи. Проект // Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. – М., 2000.
5. *Дювернуа, Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н. Л. Дювернуа. – М., 1869.

6. *Корево, Н. Н.* Издания местных законов Российской империи / Н. Н. Корево. – СПб., 1907.
7. *Леонтович, Ф. И.* Русская Правда и Литовский статут в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права / Ф. И. Леонтович // Университетские известия. – Киев, 1865. – № 2–4.
8. *Мейер, Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. / Д. И. Мейер. – М.: Статут, 1997.
9. *Нольде, А. Э.* К истории перевода Литовского Статута на русский язык // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке / А. Э. Нольде. – СПб., 1913.
10. *Нольде, А. Э.* Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Вып. 1: Попытка кодификации литовско-польского права / А. Э. Нольде. – СПб., 1906.
11. Обзорение исторических сведений о составлении Свода местных законов Западных губерний. – СПб., 1837.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. – СПб., 1830–1884.
13. *Пташицкий, С. Л.* К вопросу об изданиях и комментариях Литовского статута / С. Л. Пташицкий. – СПб., 1893.
14. Ручной словарь, или краткое содержание польских и литовских законов, содержащих руководство в судебных тяжбах всякого рода, собранных для употребления в присутственных местах и для пользы частных обывателей коронных и литовских провинций. – СПб., 1810.
15. *Самоквасов, Д. Я.* Лекции по истории русского права / Д. Я. Самоквасов. – М., 1896. Вып. 2.
16. *Самоквасов, Д. Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке / Д. Я. Самоквасов. – М., 1902.
17. Свод законов Российской империи. – СПб., 1832. – Т. 1–15.
18. Свод местных законов западных губерний. Проект. – СПб., 1910.
19. Свод местных узаконений губерний остзейских. – СПб., 1845.
20. *Сперанский, М. М.* Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М. М. Проекты и записки. – М.; Л., 1961.
21. *Сперанский, М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов / М. М. Сперанский. – СПб., 1833.
22. *Сперанский, М. М.* Предположения к окончательному составлению законов / М. М. Сперанский // Русская старина. – СПб., 1876. – № 2.
23. Статут Великого Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного. – СПб.: печатан при Правительствующем сенате, 1811. – Ч. 1–2.
24. *Филиппов, А. Н.* Учебник истории русского права / А. Н. Филиппов. – Юрьев, 1912. – Ч. 1.22.
25. *Числов, П. И.* История русского права московского и петербургского периодов / П. И. Числов. – М., 1902.
26. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.